

БЛОК — УЧАСТНИК ВЕНГЕРОВСКОГО ИЗДАНИЯ ПУШКИНА

Статья вторая¹

КСЕНИЯ КУМΠΑН

Составлением комментария к 29-ти лицейским стихотворениям Пушкина для первого тома собрания сочинений в серии «Библиотека великих писателей» Блок занимался с конца января по 2 апреля 1907 г. Хронология работы реконструируется по известным письмам поэта к С. А. Венгерову² и подробно освещена в исследованиях З. Г. Минц и Е. Ланды.³ Поэтому, не касаясь «биографического» аспекта темы и по возможности опуская известные факты, обратимся к анализу текста блоковского комментария. В свете дополнительных разысканий вопрос о комментаторских принципах Блока-пушкиниста нуждается, на наш взгляд, в корректировке и уточнении.

Для оценки научных качеств комментария и выявления установок Блока-литературоведа прежде всего следует остановиться на некоторых деталях работы поэта с источниками.

Известно, что главным источником примечаний Блока послужил комментарий Л. Н. Майкова к первому тому академического собрания сочинений Пушкина (Изд. 2-е. — Спб., 1900). Поэт использовал сообщенные в нем археографические и библиографические сведения, обильно вводил в свой текст критические замечания этого «компетентного» комментатора, а также, следуя указаниям Венгерова, опирался на проделанную Майковым текстологическую работу.

Однако «академический» комментарий не был единственным источником всех указанных сведений. С целью дополнения фактологии Майкова Блок обращается к двум последующим изданиям Пушкина — «Сочинениям и письмам» под редакцией П. О. Морозова (Спб., 1903)

и «Сочинениям» с примечаниями П. А. Ефремова (Спб., 1905). Об этом свидетельствуют анализ цитатного пласта блоковских примечаний, а также пометы на сохранившемся в библиотеке поэта первом томе морозовского издания, которое было приобретено им в начале работы (см. дату на титуле: «1907. II»).⁴

В тексте морозовских примечаний Блок пометил заглавия отобранных им 29-ти стихотворений и тем же красным карандашом подчеркнул следующие библиографические ссылки: 1) на публикацию письма Каразина в «Русской старине» (в комментарии к стихотворению «Разлука»), 2) на статью Ф. Е. Корша «Разбор вопроса о подлинности окончания "Русалки"» и 3) на рецензию Б. В. Никольского на первый том академического Пушкина (в комментарии к эпиграмме «Е. С. Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего сада»). Легко убедиться, что источники эти не были учтены в соответствующих примечаниях академического издания (а последняя рецензия и не могла быть учтена), и Блок дополнил ими собственный комментарий к указанным стихотворениям.⁵ Особо отметим взятую из Морозова ссылку на письмо Каразина, к которой нам еще придется вернуться.

Из других помет на этом издании укажем еще одну — уточняющую хронологию работы Блока — знак «+» против названия стихотворения «Окно». Есть основания считать ее знаком отработки текста, т.е. предположить, что к моменту приобретения издания Морозова (к февралю 1907) примечание к «Окну» было уже готово. Напомним, что в письме к Венгерову от 30 января 1907 года Блок обещал «в ближайшие дни» завершить «комментарий одного-двух стихотворений (вероятно, "Окно" и "Наслаждение")» и представить их редактору в качестве «образца»,⁶ а в примечании к «Наслаждению» впервые появляется ссылка на морозовское издание (С. 324). Иначе говоря, примечание к элегии «Окно» следует выделить из блоковского комментария как первое и образцовое, т.е. как текст, в котором комментаторские принципы Блока проявились с максимальной четкостью.

Кроме примечаний Майкова, Морозова и Ефремова Блок пользовался примечаниями к изданиям Пушкина, вышедшим до «академического», а именно: П. В. Анненкова (1855), Л. И. Поливанова (1893), П. А. Ефремова (1880) и Г. Н. Геннади (к «Полному собранию сочинений» в из-

дании Я. А. Исакова, 1870). Поскольку майковские комментарии вобрали в себя фактологию предшественников, Блок обращался к этим изданиям с целью проверки цитат и сведений, приведенных в академическом издании. Судя по тому, что поэт не только расширяет цитаты из этих источников, но и вносит небольшие уточнения (напр., не учтенную Майковым датировку и т.д.), можно предположить, что он проработал их внимательно и обращался к ним при работе постоянно. Об этом свидетельствует и фраза из письма Блока Ю. Н. Верховскому от 31 января 1907 г.: «<...> заложен Пушкиным со всех сторон»,⁷ — которую следует понимать буквально: в этот день поэт вплотную сел за составление обещанного Венгерову накануне «образца» примечаний, где имеются следы работы с изданиями Майкова, Анненкова, Поливанова и Ефремова (1905).

Итак, все фактические сведения Блок черпает из примечаний к наиболее авторитетным изданиям Пушкина того времени; указанные собрания сочинений составляют основной, константный круг источников.

Принципиально иной характер носит работа Блока с источниками, библиографические ссылки на которые он находит в примечаниях предшественников, т.е. с исследованиями пушкинистов и критиков, мемуарами современников и т.д. Исходя из венгеровского требования максимальной полноты комментария, поэт, как правило, расширяет цитату, отобранную комментатором-предшественником, заменяет ею сжатый пересказ или ссылку, но самостоятельной критической переработки не предпринимает. В отличие от работы с изданиями Пушкина, обращение к этим источникам «второго ряда» было эпизодическим, стимулировалось наличием ссылки в примечаниях Майкова, Морозова и др., чем объясняются некоторые упущения при их использовании.

Так, например, комментируя стихотворение «Амур и Гименей», Блок не учел его оценку Белинским, что выглядит особенно странным, если вспомнить, что поэт специально отчеркнул высказывание критика об этом стихотворении на собственном экземпляре павленковского издания (Спб., 1896. — Т. 3. — Стб. 444).⁸ По всей видимости, он просмотрел статью Белинского до того момента, как вплотную сел за составление комментария,⁹ а по ходу писания обращался к ней только тогда, когда встречал

отсылку к мнению критика в примечаниях предшественников; в комментариях к «Амуру и Гименею» ни один из комментаторов не учел высказывание Белинского, и Блок также не использует отчеркнутый ранее им же самим фрагмент.

Можно привести еще один пример излишней доверчивости Блока к комментариям авторитетных пушкинистов. В примечаниях Морозова он встретил указание на автоцитату в «Гавриилиаде» из комментируемой элегии «Любовь одна — веселье жизни холодной. . .», а в примечаниях Майкова к «Желанию» — параллель с «Отставкой» Карамзина. Эти сопоставления он вводит в свои примечания с отсылкой на Морозова и Майкова (С. 321, 329), между тем как оба комментатора используют наблюдения (без ссылок) В. Гаевского из статьи «Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения».¹⁰ Блок неоднократно обращался к исследованию Гаевского и в том же примечании к элегии «Любовь одна. . .» (С. 319) цитирует, вслед за Майковым, соседнюю страницу этой статьи,¹¹ но указанные сопоставления не фиксирует и приписывает их комментаторам.

Таким образом, работа Блока над комментарием сводилась к следующему: поэт взял за основу фактологическую канву Майкова, дополнил ее сведениями из комментария Морозова и Ефремова, проверил отсылки, датировку, сведения об адресатах по примечаниям Анненкова, Поливанова, Геннади и Ефремова (1880) и расширил текст комментария за счет распространения цитат, приведенных или упомянутых комментаторами-предшественниками.

Напомним, что подобная компиляция соответствовала первоначальным требованиям редактора, который представлял себе комментарий «в общем в стиле примечаний Майкова», ориентируя участников издания не только на текстологию, но и на фактологию академического «Собрания» Пушкина.¹²

О том, что компилятивная часть комментария была выполнена на уровне пушкинистики того времени свидетельствует и редакторская правка. Большая часть ее вызвана упущениями Венгерова и не дискредитирует работу Блока.¹³ Собственно фактологические дополнения незначительны. Так, Лернер ввел в примечание к «Амуру и Гименею» упомянутое выше высказывание Белинского и еще один предположительный французский источник

стихотворения,¹⁴ а в примечание к «Окну» — сомнительную параллель (по сходству мотива) со стихотворением Пушкина «Буря». Венгеров же дополнил блоковский комментарий сведениями из новонайденной тетради Матюшкина (публикация Грота),¹⁵ которая не попала в поле зрения Блока, т.к. не была (и не могла быть) учтена предшествующими комментаторами.

Остальная правка выявляет не уровень, а специфику блоковского комментария. От традиционного типа примечаний его отличает, прежде всего, объем заковыченных сведений. Не только трактовки и оценки, но и литературные параллели, источники, датировки стихотворений, а иногда и адресат введены в комментарий Блока посредством «чужого слова». Авторская точка зрения, как правило, отсутствует. Такое постоянное цитирование придает блоковской компиляции оттенок ученичества. Усилие редактора направлено в таких случаях на акцентировку точки зрения комментатора, что достигается снятием кавычек, вставкой оценочного слова или введением добавочного аргумента в пользу одной из процитированных гипотез.

В качестве примера акцентировки авторского слова с помощью расковычивания цитаты можно привести венгеровскую переработку комментария к «Осеннему утру». Фразу Блока: «По словам Гаевского,¹⁶ <...> "элегия "Осеннее утро" написана под влиянием разлуки с Бакуниной, переехавшей с своим семейством из Царского Села в Петербург..."» (С. 335), — Венгеров исправляет следующим образом: «"Осеннее утро" я в н о н а п и с а н о под влиянием разлуки с Бакуниной <...>, переехавшей с своим семейством...» и т.д.¹⁷ до конца цитаты из Гаевского, не выделяет ее кавычками.

В комментарии к стихотворению «Наслаждение» редактор заставляет поэта присоединиться к биографическому толкованию первой строфы, вставляя в нейтрально процитированную мысль Майкова наречие «справедливо».¹⁸ Точно так же он «проявляет» позицию автора в вопросе об адресате стихотворения «К ней». Сравним — у Блока: «<...> его примеру следуют позднейшие комментаторы, относя стихотворение к Е. П. Бакуниной» (С. 330); в редакции Венгерова: «<...> его примеру следуют позднейшие комментаторы, с п р а в е д л и в о относя стихотворение к Е. П. Бакуниной».¹⁹

И, наконец, в качестве примера изменения модальности суждения с помощью добавочного аргумента можно привести венгеровскую приписку к примечанию «К письму». После указания, что стихотворение «к 1816 году отнесено Ефремовым в издании 1880 года», Блок констатирует: «Все позднейшие комментаторы помещают его под этим годом без всяких объяснений» (С. 327), а редактор добавляет: «Так как оно по общему элегическому тону подходит к циклу стихотворений, вызванных любовью к Бакуниной, то может быть эта датировка и правильна».²⁰

На этот тип редакторской правки обратил внимание С. Гессен. С его точки зрения, правка эта «дает отчетливое представление о степени осторожности, с которой Блок-комментатор подходил к материалу».²¹ Думается, что возможна и иная ее интерпретация. В сочетании с отмеченным выше некритическим использованием источников ослабленность (редукция) авторского голоса и подчеркнутая асерторичность суждений Блока скорее могут быть расценены как принципиальная отстраненность, незаинтересованность поэта фактологической стороной комментария, историко-литературными и биографическими разысканиями. Пользуясь его выражением, работа над традиционной частью комментария не была «исполнена пафоса научного исследования» (5, 361).

***

Анализ работы поэта над традиционной частью комментария корректирует вопрос о научной ориентации Блока-пушкиниста, поставленный в упомянутых в начале статьи исследованиях З. Г. Минц и Е. Ланды. Мы имеем в виду оценку блоковского комментария как «первого шага к новому истолкованию Пушкина» — в традициях критики Белинского²² и попытку увидеть в блоковской компиляции полемику с официальной «концепцией Пушкина-монархиста».²³

Первая оценка основана на утверждении, что статьи Белинского упоминаются в тексте комментария «почти постоянно». О серьезном отношении Блока к позиции критика и знакомстве с его произведениями, «прямо не касающимися вопроса», с точки зрения исследователя, свидетельствует фраза из комментария «К Наташе» — о «педантических сомнениях Шевырева» (С. 338). И по-

следний аргумент З. Г. Минц в пользу поворота Блока в сторону революционно-демократической критики — это отсутствие в тексте комментария «обычного пренебрежительного отношения к ней на фоне постоянной иронии в адрес академической школы».²⁴

Более пристальное изучение работы Блока с источниками ставит под сомнение все перечисленные аргументы. Так, можно констатировать, что на протяжении всей работы поэт обращался лишь трижды и к одной и той же статье Белинского, прямо посвященной лирике Пушкина.²⁵ При этом использование ее — дословное повторение тех самых цитат, которые приведены в «академическом» комментарии — ничем не отличается от работы с другими источниками «второго ряда». Что же касается фразы о Шевыреве, то при ближайшем рассмотрении она оказывается не прямой отсылкой к памфлету Белинского «Педант», а контаминацией двух фраз из комментария Л. Н. Майкова и С. А. Венгерова,²⁶ чье серьезное знание произведений критика сомнению не подлежит. Метод подобного цитатного «монтажа» Блок широко использовал в своих филологических работах, в частности, и в настоящих примечаниях.

И последний аргумент З. Г. Минц опровергается справедливым замечанием самой исследовательницы о неразграниченности в сознании поэта на этом этапе — демократических, либеральных и вульгаризаторских тенденций в пушкинистике.²⁷ Отсюда следует, что полемика Блока с академической пушкинистикой часто в качестве конечного адресата имела в виду Белинского. Так, к указанной статье критика поэт возводил особое эзегическое толкование облика Пушкина-лицеиста (С. 316—317), а истоки биографического метода, отождествлявшего художественное произведение с историческим документом, видел в формуле Белинского «поэзия жизни действительной» (см. полемическую реплику о бессмысленности искать для лирики «оснований в действительной жизни» — С. 354). Таким образом, не опровергая очевидный факт знакомства Блока со статьями Белинского еще в университете, следует подчеркнуть, что текст комментария к лицейской лирике не дает никаких оснований настаивать на повороте к истолкованию Пушкина в духе демократических традиций.

Внутренней телеологией страдает и утверждение Е. Ланды, построенное на сопоставлении блоковского и «академического» комментария. Образ Пушкина в комментариях Майкова далек от официоза; следует кроме того принять во внимание и иные цензурные условия выхода венгеровского Пушкина, задуманного как первое неподцензурное издание поэта в России.²⁸

Помимо этого Е. Ланда, так же как и З. Г. Минц, не учитывает специфику работы Блока с источниками. По утверждению исследовательницы, «спор» Блока с «официальным пушкиноведением» проявился в факте введения в примечание к «Разлуке» доноса Каразина министру внутренних дел, который «Блок сам разыскал <...> в "Русской старине"» и заменил им биографическую справку о Кюхельбекере из комментария Майкова.²⁹ Обе посылки ошибочны: сноску на публикацию письма Каразина, как мы указали выше, Блок взял из комментария Морозова к этому стихотворению, которым пользовался наряду с «академическим», а пропуск справки о Кюхельбекере был сделан в соответствии с инструкцией редактора, поскольку Кюхельбекеру (как и другим друзьям Пушкина) в примечаниях отводился «отдельный этюд».³⁰

Столь же необоснован и другой пример, который Е. Ланда расценивает как полемику Блока с Майковым, а именно: замена отсылки к мемуарам М. И. Жихарева, приведенной в академическом издании, — обширной цитатой из них в примечаниях Блока (к эпиграмме «Кж. В. М. Волконской»).³¹ Но замена ссылки или пересказа развернутой цитатой — таков характер повсеместного использования поэтом источников «второго ряда». Таким образом, особенности работы Блока с источниками ставят под сомнение утверждение исследовательницы о якобы специальном подборе цитат в блоковском комментарии, характеризующем взаимоотношения поэта и монарха. Текст примечаний свидетельствует скорее о противоположном — а именно — об аполитичности блоковского подхода к Пушкину в это время.³²

Иначе говоря, для строгой научной реконструкции позиции Блока-пушкиниста представляется более удобным и правомерным обратиться не к толкованию отстраненно и нейтрально введенных в компилятивную часть цитат, а к оригинальной части примечаний.

* * *

Хотя оригинальные высказывания Блока о стихотворениях Пушкина оказались вне рассмотренных выше концепций, они попали в поле зрения исследователей. Поэтому, не повторяя сказанного и опираясь на отдельные их истолкования в работах З. Г. Минц, Е. Ланды и пушкинистов 1920-1930-х гг., попытаемся выявить специфику блоковского подхода к текстам Пушкина в контексте пушкиноведческой мысли того времени. В качестве материала для сравнения обратимся к комментариям других участников первого тома венгеровского Пушкина и, в первую очередь, к примечаниям В. Я. Брюсова, который, как известно, был инициатором включения раздела «эстетической критики» в комментарий к изданию.³³

Следует иметь в виду, что в сознании современников позиция символистов-комментаторов, независимо от оценки альянса ученых и поэтов, не дифференцировалась:³⁴ в примечаниях Блока и Брюсова они отмечали новаторский подход к творчеству Пушкина³⁵ и множество «новых наблюдений», добытых внимательным всматриванием поэтов-комментаторов «в каждую пушкинскую строчку».³⁶

Оценки рецензентов, в общем и целом, справедливы. Брюсова, так же как и Блока, интересует проблема мастерства Пушкина. В комментариях к стихотворениям «Мое завещание» и «Друзьям» он анализирует работу Пушкина над текстом (ср. с блоковским анализом пушкинской правки, особенно в примечаниях к «Осеннему утру», — С. 335), а в примечаниях к элегиям «Роза», «Мечтатель», «Наездники», «Пробуждение», «Месяц» — высказывает соображения об особенностях словоупотребления, фразеологии и ритмико-метрической организации пушкинского стиха. Отметим в скобках, что, в отличие от Брюсова, стиховедческий аспект почти не затрагивался в комментариях Блока, замечания которого касаются, в основном, лексико-фонетического пласта пушкинского стиха.

Не в меньшей мере, чем выявление формальных особенностей лицейской лирики, Брюсова-комментатора интересует духовный облик ее создателя. Путь от художественного произведения к образу автора был характерен и для критического метода Блока (см. упоминание о «пламенной и стремительной душе Пушкина» —

С. 318). Однако в примечаниях Брюсова, несмотря на отрывочность и фрагментарность характеристик, Пушкин-лицеист более индивидуализирован, благодаря проекции на него личности самого комментатора. Это — поэт-мистификатор, различно моделировавший себя в посланиях, в зависимости от «кругозора того лица, к которому обращался» (см. примечания «К Дельвигу», «Послание к Юдину», «Сон»). Это — и поэт-версификатор, с первых шагов тративший «громадный труд» на «создание своих легких стихов», подвергавший их «кропотливой обработке» и отделявавший их «с редким мастерством». ³⁷ Напомним, что блоковский образ Пушкина также противостоит наивно-романтическим концепциям «вдохновенья», но, многократно подчеркивая работу поэта над стихом, Блок настаивает на ее стихийности и «бессознательности» (С. 356). ³⁸

Наблюдаются и более существенные различия в подходе поэтов к комментированию пушкинских текстов. Так, например, Брюсов иногда подменял «эстетическую критику» стихотворения — его оценкой. Отрывок «Сон» он именует «произведением, лишенным творческого полета» и относит его к «самым слабым стихотворениям из всего лицейского периода», а элегию «Пробуждение» называет «самым изящным» из стихотворений 1816 г. на тему «сна». ³⁹ Подобные вкусовые оценки не были чужды в ту пору и «маститым» пушкинистам. Отождествление «эстетических замечаний» с «эстетической оценкой» характерно, например, для примечаний Венгерова, который так оценивает стихотворение «Романс»: «Известный налет наивной примитивности не лишает стихотворение истинной трогательности». ⁴⁰ Еще в большей мере «эстетство», с налетом пошловатой безвкусицы, было свойственно примечаниям Лернера; такими фразами как «стих молодого поэта очень изящен», «его шутливая муза напоминает легкокрылую бабочку», «как ни хороша пьеса, ее нельзя приравнять к самым высоким и красивым полетам юного орла-Пушкина» и т. п. — пестрят примечания этого авторитетного комментатора. ⁴¹

Кроме субъективных оценок комментарий Брюсова грешил и другими издержками традиционной пушкинистики. Опираясь на методологию своих ранних пушкиноведческих штудий, выдержанных в русле биографической школы П. И. Бартенева, ⁴² он прибегает к реконструкции по стихотворным текстам реальных фактов биографии

Пушкина, т. е. в духе научной мысли того времени использует поэтический текст в качестве биографического документа. К таким толкованиям относится, например, примечание Брюсова к стихотворению «Месяц», в котором, исходя из семантики текста (описание любовного свидания), комментатор «устанавливает» факт реального «уединенного» свидания Пушкина с Бакуниной «вечером или ночью в саду, в беседке», перед ее «отъездом из Царского Села». Характерна в этом смысле и трактовка «Послания к Юдину» как «правдивого описания действительности».⁴³

В отличие от Брюсова Блок стремился к максимальному объективизму в оценке пушкинского текста, что достигалось апелляцией к авторской точке зрения и подтверждением ее объективными формальными особенностями текста. В качестве примера можно привести примечание Блока к стихотворению «Желание». Полемизируя в нем с вкусовой оценкой «академического» комментария, он пишет: «С замечаниями Майкова о "сентиментальной искусственности" согласиться трудно: стихотворение написано удивительно просто. Но, может быть, сам Пушкин, как "взыскательный художник", действительно, не был доволен им: есть разногласие между последними отрывочными строками и первой строфой, где торжественные слова повторяются однозвучно: "медлительно... мои... миг... множит; тяжкое... тревожит"» (С. 329).

Биографические или психологические толкования стихотворения Блок, как правило, вводит в комментарий точно таким же образом, как процитированную выше оценку Майкова, т. е. в виде «чужого слова», с которым он вступает в полемику. Так, в примечаниях к «Посланию к кн. А. М. Горчакову», процитировав рассуждения Стоюнина, Поливанова и Незеленова о психологической подоплеке стихотворения, поэт иронически замечает: «Все эти рассуждения кажутся нам не соответствующими духу пушкинской музыки, они гораздо «многословнее и туманнее» самого послания» (С. 317).⁴⁴ Аналогичным способом Блок дезавуирует рассуждения Анненкова и Майкова о биографических истоках послания «Дельвигу»: «<...> почтенные критики не знают, с чем спорят: всякой лирике, а особенно осмнадцатилетней, свойственны печали и жалобы, и для них не нужно искать оснований в действительной жизни» (С. 353—354) А в комментарии к элегии «Я видел смерть...», сопоставив все точки зрения

на возможные иностранные образцы подражания, он завершает комментарий насмешливой ремаркой: «Остается задать вопрос, почему Пушкин сам не мог написать лирическое прощание с природой, а непременно должен был заимствовать его из Шекспира или Шиллера?» (С. 334).

Анализируя эти критические реплики, исследователи отмечали их направленность против крайностей биографического и компаративного методов академической науки, с ее наивно-моралистическим подходом к творчеству Пушкина, против элегического (или в духе резиньяции) толкования образа поэта.⁴⁵ Думается, что полемику Блока с академической пушкинистикой следует понимать шире, поскольку в своих собственных размышлениях и наблюдениях поэт намеренно избегает обычных комментаторских приемов. Его претензии к науке можно сформулировать как требование особого подхода к лирике, которая ни в коем случае не являет прямого отражения увиденного, почувствованного поэтом или найденного им у других авторов. Возможно, именно отходом от традиционных приемов комментирования объясняется равнодушие Блока к разысканию новых историко-литературных параллелей, которые составляют значительный объем брюсовских примечаний. Почти не прибегает он и к описанию «душевных переживаний» Пушкина, нашедших отражение в том или ином стихотворении, на чем особенно подробно останавливаются другие комментаторы первого тома, в том числе и Брюсов (см., напр., его рассуждения в примечании к «Друзьям» о заключенном в стихотворении «грустном чувстве», которое «не достигает крайней напряженности»⁴⁶ и т.д.).

Иначе говоря, блоковский подход к стихотворениям Пушкина, хотя и в скрытой форме, но более последовательно, чем брюсовский, противостоит традиционным методам пушкинистики, с ее равнодушием к вопросам мастерства и формы и глухотой к поэтическому слову. Оппозиция эта прослеживается и на стилистическом уровне: на фоне обширных цитат из исследовательской литературы, которые сам Блок определил как «многословные и туманные», его оригинальные суждения выделяются декларативным лаконизмом и точностью.⁴⁷ Они целиком относятся к области (разделу) «эстетических замечаний», касаются анализа пушкинской правки, фиксируют формальные особенности текста (композиции, словоупотре-

блениа, звфонии) и носят, как правило, характер «осмысления приема». Проступающие элементы дескриптивной поэтики наиболее четко реализуются в комментарии к элегии «Окно», который, как мы отмечали выше, является «образцом» блоковского типа комментария.

Перед нами уникальная для своего времени попытка решить вопрос о композиционной целостности произведения с помощью того метода, который в более поздней терминологии можно было бы определить как имманентный анализ текста. Свои наблюдения Блок вводит, отталкиваясь от контрroversы: цитирует мнение Анненкова («стихотворение составлено из двух различных стихотворений, сбитых вместе посмертным изданием» — С. 322) и приводит текстологические аргументы «авторитетных» оппонентов — Майкова и Ефремова — в пользу цельности текста (наличие новонайденных автографа и списка, аутентичных тексту посмертного издания). Далее, «в ч и т ы в а я с ь в т е к с т », поэт высказывает свою точку зрения («замечание Анненкова кажется нам не лишенным основания») и обосновывает ее, перечисляя «признаки соединения несколько произвольного»:

— на семантическом уровне: «Первые две строфы несколько не влекут за собою двух следующих <...> Первые 16 строк представляют элегическое рассуждение <...> Следующие 16 строк представляют, напротив, описание событий в сентиментальном духе»;

— на синтаксическом: «Первые 16 строк, оканчивающиеся многоточием <...>»;

— на стилистическом: В «первых 16 строках» «эпитетов мало, а те, которые есть («поздняя зарница», «зыбкие облака», «пламенная река», «день багряный») не обессиливают стиха», в то время как последние «16 строк <...> испещрены эпитетами довольно однообразными («пустынный», «туманный», «задумчивый», «тайный», «темный» дважды в одной строфе)»;

— и, наконец, на фонетическом: «Сам Пушкин исключил из третьей строфы все признаки конкретности и опустил на нее вуаль одной отвлеченной чувствительности, заменив звонкие согласные — глухими и исправив: «Вчера вечернею порою» — на «недавно, темною порою», и «склонившись на руку сидела» — на «одна задумчиво сидела». Этим он достиг объединения всей третьей стро-

фы, где постоянно чередуются согласные "н" и "м", но еще не согласовал ее с предыдущими».

Композиционно-стилистический анализ элегии завершается обычной для комментария Блока реконструкцией пушкинской оценки стихотворения: «Очень вероятно, что сам Пушкин почувствовал в «Окне» чувствительность, чуждую его душе, и потому сделал помету "не н(адо)", а потом, присоединив второй отрывок к первому, все-таки остался недоволен стихотворением и не стал его печатать» (С. 323).

О новизне и необычности блоковской модели комментария свидетельствует последний тип редакторской правки, который проводит границу между традиционной и оригинальной частями примечаний. На наборной рукописи комментария «Окно» вычеркнута простым карандашом вторая его половина, т.е. все приведенные выше суждения (со слов «Вчитываясь в текст...»). Так же отредактирован автограф блоковского примечания к стихотворению «Лиле», где зачеркнуты наблюдения поэта над звуковой организацией текста (со слов: «Интересно отметить и в этом стихотворении преобладание плавных согласных...» — С. 344); на полях тем же простым карандашом вписана оценка стихотворения, которая никак не могла принадлежать Блоку: «Трудно понять, почему Пушкин включил в сборник эти слабые стихи».⁴⁸

К этому же типу адаптационной правки, приводящей текст блоковских примечаний к традиционному виду, относится и некоторая переработка, учтенная при наборе. Так, в примечаниях к «Амуру и Гименею» и «Е. С. Огаревой» (опубликованы за двойной подписью и без подписи) — значительно расширена историко-литературная часть и изъяты все наблюдения Блока над лексико-фонетической организацией стиха (ср.: С. 314, 358 и Пушкин. — С. 316, 454). Сюда же относятся некоторые мелкие, но характерные вставки Венгерова в примечания, опубликованные за подписью Блока,⁴⁹ а также редакторская правка последней фразы в комментарии к элегии «Я думал, что любовь...»; у Блока: «Небрежность некоторых стихов, обычные эпитеты и римские имена Вакха, Амура и Дельфиры, — все это указывает на то, что элегия для самого Пушкина не была открытием» (С. 343). Расшифровывая мысль Блока, Венгеров подменяет стилистическую трактовку текста — психологической: «Небрежность

некоторых стихов, обычные эпитеты и римские имена Вакха, Амура и Дельфиры, — все это указывает на то, что элегия для самого Пушкина не была серьезным отголоском душевных переживаний». ⁵⁰

* * *

Итак, анализ работы Блока с источниками, сопоставление его подхода к пушкинским текстам с комментаторскими приемами других участников издания, а также характер редакторской правки вскрывают специфику примечаний поэта к лицейской лирике.

Выявленная таким образом «доминанта» блоковских примечаний не прояснена в тексте с полной очевидностью, чему способствовали: жанр исследования, изменение по ходу работы принципа отбора комментируемых текстов, ⁵¹ а также внутренняя установка Блока-филолога, в принципе не стремящегося к методологической четкости. Новаторские приемы камуфлируются композиционной целостностью примечаний к каждому стихотворению, их эссеистической формой: оригинальные замечания и наблюдения Блока крепко впаяны в компилятивный («чужой») текст, слиты с традиционной частью комментария.

Не проясняет специфику примечаний и более широкий контекст — соотнесение с другими комментаторскими и научно-критическими работами Блока. В последних исключительное внимание уделено содержательно-эмоциональному плану произведения. В частности, это касается эволюции «блоковского Пушкина»: в наиболее общем виде ее можно представить как последовательное (хоть и не прямолинейное) движение от «мистического» (общесимволистского) толкования его творчества — к социологическому. Социологическое осмысление Пушкина проявляется, в частности, в позднейшем блоковском комментарии к стихотворениям поэта, наброски которого сохранились в дневнике 1921 г.; главный смысл этих примечаний, как указывалось в исследовательской литературе, в «прояснении общественно-философской позиции» Пушкина. ⁵² Иначе говоря, подготовленные для венгерского издания примечания занимают особое место среди последующих и предыдущих филологических начинаний Блока.

Неожиданный «формальный» подход Блока к комментируемым текстам имел, однако, свои основания.

Начало 1907 г. — один из редких периодов в жизни и творчестве поэта, проходящих не «под знаком» Пушкина. Об этом свидетельствует, в частности, стихотворный цикл «Снежная маска», создававшийся в дни работы Блока над комментарием. В художественной ткани этого цикла сказалось мощное воздействие тех литературных традиций, которые сам поэт осмыслял как «дионисийские», стихийные, противопоставленные «аполлиническому», гармонизирующему, «дневному» началу лирики Пушкина. Возникшая ситуация «отчуждения» позволила Блоку подойти к творчеству Пушкина как бы «извне», объективно фиксируя особенности его стиля и стиха.⁵³

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что Блоку достался комментарий к ранней, лицейской, лирике. Именно по отношению к далекой от совершенства поэзии начинающих авторов он применял критический анализ литературной формы, отмечая поэтические штампы, банальные эпитеты, стилистическую какофонию, неправильную цезуру, избитость рифм и т. д. (см. замечания Блока о поэзии С. Соловьева, В. Стражева, А. Ягодина, И. Тхоржевского и др.). Эти приемы критика и рецензента (не без элементов авторефлексии) поэт привносит в сугубо научный жанр комментария, реализуя тем самым заданную в структуре примечаний идею синтеза историко-академического и непосредственно-эстетического переживания текста.

И, наконец, интерес к мастерству поэта, хотя и слабо проявившийся в критических и историко-литературных работах Блока, имел глубинные мировоззренческие истоки и коренился в представлении о двойственной природе творческого акта. Для раннего Блока было свойственно младосимволистское уподобление поэта — магу, теургу, волхву, а творчества — откровению, магии эманации Души Мира. Это восходящее к романтической концепции вдохновения (наития извне) представление к середине 1900-х гг. осложнилось (не без влияния поэтики Брюсова и филологической мысли того времени) восприятием творчества как волевого (но в отличие от Брюсова не рационального, а интуитивного) оформления материала, «тяжелой радости преодоления материала» (5, 265).

Рецензируя книгу Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Трагический зверинец» («Литературные итоги 1907 года»), поэт

описывает творческий акт в потебнианской терминологии, как процесс «овладения словами», которые писательница «избрала себе в бездне языка» (5, 226). В онтологическом аспекте такое понимание творчества предстает в виде гармонизации мира, где субститутутом формообразующего начала выступает не слово, а искусство в целом, а под материалом подразумевается не «бездна языка», а «хаос бытия». ⁵⁴ «Этот хаос, исказивший гармонию, — писал Блок в статье «Творчество Федора Сологуба» (1907), — требует немедленного оформления, как жгучий жидкий металл, грозящий перелиться через край. Опытный мастер сейчас же направляет свои усилия на устройство этого хаоса» (5, 161). Наиболее глобальное и синтетическое описание дихотомии формы и содержания встречается в статье «О назначении поэта», где творчество предстает как преобразование «первобытного, стихийного, безначального хаоса» в «космос» (гармонизированный хаос). Дело поэта в таком преображении — поднять из «бездонных глубин духа» «чужеродный внешнему миру звук» и заключить его «в прочную и осязательную форму слова». «Звуки и слова, — пишет далее Блок, — должны образовать единую гармонию. Это область мастерства» (6, 161, 163). Отметим, что вопрос о «мастерстве», неразрывно следующий в теоретических размышлениях Блока за аналогичными формулировками сущности искусства, вошел в сознание поэта, вероятно, в иной последовательности: наблюдения над пушкинской правкой (над мастерством поэта), отражавшиеся в примечаниях и подкрепленные собственным опытом, ⁵⁵ — повлекли за собой осознание творческого процесса как нераздельного единства труда и вдохновения.

Не случайно тема мастерства появляется в статьях и записях Блока, начиная именно с января 1907 г., и о поэтах, которые в его представлении были в той или иной мере «рукоположены Пушкиным» — о Брюсове ⁵⁶ и Ф. Сологубе. ⁵⁷ Интересно, что восприятие в этих категориях собственного творчества появляется в момент работы над «Возмездием», которое Блок постоянно соотносил с пушкинскими произведениями. ⁵⁸ «Мучительный вихрь мыслей, сомнений во всем и в себе, в своих силах, наплывающие образы из невоплощающейся поэмы, — записал он в дневнике 1909 г. — Если бы уметь помолиться о форме» (7, 77).

Из приведенных суждений с очевидностью следует, что понятие формы для Блока ни в коем случае не отождествлялось с набором технических средств и приемов. Это — основной пункт расхождения поэта с системой представлений раннеформалистской мысли: с суждениями Брюсова, декларационными выступлениями акмеистов и футуристов. Форма в сознании Блока относилась к числу изначально одухотворенных универсалий. О «содержательности» формы в настоящих комментариях к Пушкину свидетельствует и наивная семантизация звуков, и осмысление приема как проявления авторской психики. В статье «Генрих Ибсен» (1908) Блок формулирует это следующим образом: «Стиль всякого писателя так тесно связан с содержанием его души, что опытный глаз может увидеть душу по стилю, путем изучения форм проникнуть до глубины содержания» (5, 315). Несколько позже Блок стал включать в понятие формы и некое иррациональное, метафизическое, активное и объективно существующее начало — «творящий дух». В дневнике 1920 г. он записывает: «Дух может сказаться в формах более, чем в содержании» (7, 364; ср. блоковский анализ «галлиамба» Катулла в «Катилине»; в самом «движении стиха» он ощущает воздействие творящего духа эпохи — 6, 80–82).

Понимание формы как выражения «духа» подразумевает, а не отрицает возможность выявления сущности искусства путем ее изучения. Подобная глобальная попытка постижения тайн искусства посредством изучения формы произведения через несколько лет была предпринята Белым. В работах же самого Блока, как мы уже отмечали, метод осмысления художественного произведения через его форму проявился слабо и пунктирно. Отчасти это связано с тем, что Блоку в принципе были чужды как одностороннее аналитическое изучение явлений жизни и искусства, так и рационалистический («научный») подход к собственному творческому процессу. О последнем Блок прямо говорил в беседе с С. И. Бернштейном (1920), подчеркивая, что при работе над стихом «старается не задумываться» над вопросами техники, поскольку «такие размышления дурно отражаются на продуктивности творчества» (см. здесь же высказанную мысль о том, что Андрей Белый, став «теоретиком», «перестал быть поэтом»).⁵⁹

Исследователи творчества Блока акцентировали внимание на полемических высказываниях поэта в адрес нормативно-формалистических деклараций Гумилева («Без

божества, без вдохновенья»). Однако в такой же степени Блоку был чужд односторонний подход к поэзии (и к литературе) с точки зрения содержания (прогрессивного или реакционного), выхолащивающий и затемняющий смысл искусства. Выступая против рутинных приемов науки и критики, он неожиданно солидаризировался с некоторыми общими формалистическими установками. Так, например, в заметке «О чтении стихов русскими актерами» (1919) поэт приветствует возникший в «ширских кругах (даже, например, профессорских)» интерес к стиху как таковому, понимание его «самостоятельного значения, не зависящего от содержания» (6, 474),⁶⁰ а в статье «Гейне в России» (того же года) он высказывает мысль о том, что «искусство гораздо ближе к мастерской ремесленника, чем к кабинету ученого». Симптоматично, что именно в этой статье поэт возвращается к идее своей первой комментаторской работы, предлагая снабдить «народное издание Гейне» «эстетическими» примечаниями. «Сам факт существования таких примечаний, — отмечает он далее, — вводил бы именно в атмосферу артистическую, чем мы в России не избалованы: он показал бы некоторым читателям, что кроме культурно-исторических, биографических, политических и прочих подходов к поэту существуют подходы эстетические и что во многих случаях важным является не только то, любил или не любил поэт, например, Наполеона, а также и то, каким он был мастером — плохим или хорошим» (6, 128).

Введение в атмосферу артистическую, в лабораторию поэта — именно такая задача решалась в оригинальной части блоковского комментария к Пушкину. Проступившие здесь элементы формального анализа текста нашли логическое развитие и приняли характер обоснованной системы в книге Белого «Символизм». Насколько последовательнее был в своей методологии Белый говорят и сформулированные им приемы комментирования лирического произведения: «Комментируя стихотворение, — писал он, — мы как бы разлагаем его на составные части, пристально вглядываемся в средства образности, в выбор эпитетов, сравнений, метафор для характеристики содержания; мы ощупываем слова, исследуем их взаимную ритмическую, звуковую связь; соединяя вновь в одно целое разобранный материал, мы часто

не узнаем вовсе знакомого стихотворения; оно, как феникс, вылетает из самого себя в более прекрасном виде, или обратно бледнеет...».⁶¹

Тот факт, что блоковский комментарий предвосхитил теоретические работы Белого, отметили пушкинисты двадцатых годов.⁶² И это не случайно: на фоне актуального в те годы «морфологического» метода особенности блоковского подхода к лирике Пушкина высветились особенно рельефно.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 В первой статье под тем же названием (см.: А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века: Блоковский сб. VII / Учен. зап. Тарт. ун-та. — Тарту, 1986. — Вып. 735) рассмотрена предыстория издания, по материалам венгерского фонда (РО ИРЛИ. — Ф. 377) реконструированы его основные принципы и восстановлен первоначальный (подготовительный) этап блоковой работы над комментарием. Далее ссылки на эту статью даются сокращенно: БС, с указанием страницы.
- 2 См.: Литературный архив. — Л., 1938. — Вып. I.
- 3 См.: Минц З. Г. Блок и Пушкин // Труды по русской и славянской филологии XXI: Литературоведение / Учен. зап. Тарт. ун-та. — Тарту, 1973. — Вып. 306 (далее ссылки на эту статью даются сокращенно: Минц, с указанием страницы); Ланда Е. Примечания к стихотворениям Пушкина // Ланда Е. Мелодия книги: Александр Блок — редактор. — М., 1982 (далее ссылки на статью даются сокращенно: Ланда, с указанием страницы).
- 4 ИРЛИ. — Шифр: 94 I/271.
- 5 Ср.: Блок А. Собр. соч. — Л., 1934. — Т. 11. — С. 354, 356, 358—359 (далее ссылки на этот том даются в тексте с указанием только страницы).
- 6 Литературный архив. — С. 356.
- 7 Блок А. Собр. соч.: В 8 т. — М.; Л., 1963. — Т. 8. — С. 179 (далее ссылки на это издание даются в тексте, с указанием в скобках тома и страницы).
- 8 ИРЛИ. — Шифр: 94 I/40 III.
- 9 Отчеркнутые здесь цитаты относятся к стихотворениям первоначального (январского) списка, в дальнейшем отредактированного Блоком и Венгеровым.
- 10 Современник. — 1863. — N 7. — С. 175; N 8. — С. 382.
- 11 Там же. — N 7. — С. 174.

- 12 Подробнее об этом: БС. — С. 69–70.
- 13 Уже на стадии корректуры Венгеров проделал большую работу по унификации текстов разных комментаторов, которая была вызвана изначальной зыбкостью структуры примечаний; у Блока он вставил шифры при перечислении рукописей, изъям из некоторых примечаний ранние редакции, которые полагал отнести в специальный раздел «История текста», вставил переотсылки на другие примечания и т.д. Другая часть правки связана с текстологическими новациями. Напомним, что Блок не мог учесть результатов текстологической работы Венгерова, шедшей параллельно с комментированием.
- 14 Этот комментарий был опубликован Венгеровым под двумя именами: «Б<лок> Л<ернер>».
- 15 Журнал Министерства народного просвещения. — 1905. — N 10; из этой тетради Венгеров пополнил список рукописных источников и ввел еще одну гипотезу об адресате послания «К Наташе».
- 16 Здесь и ниже разрядка в цитатах моя. — К. К.
- 17 Библиотека великих писателей: Пушкин. — Спб., 1907. — Т. 1. — С. 354 (далее ссылки на это издание даются сокращенно: Пушкин, с указанием страницы).
- 18 При публикации этого примечания (С. 324) правка редактора ошибочно введена в блоковский текст.
- 19 Пушкин. — С. 346.
- 20 Там же. — С. 342.
- 21 Г <ессен> С. Комментарий А. Блока к стихотворениям Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. — М.; Л., 1936. — Вып. I. — С. 385. В это время вышел 11-й том указанного собрания сочинений Блока, где впервые по автографам был опубликован аутентичный текст примечаний, который исследователь сравнил с текстом венгеровского издания.
- 22 Минц. — С. 200.
- 23 Ланда. — С. 28.
- 24 Минц. — С. 199–200.
- 25 Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья четвертая // Белинский В. Г. Сочинения: В 4 т. — СПб., 1896. — Т. 3. — Стб. 339–444.
- 26 См. комментарий Венгерова к стихотворению «Красавице, которая нюхала табак» (Пушкин. — С. 124), вошедший в первый выпуск первого тома (об использовании Блоком этого источника наряду с другими изданиями Пушкина см.: БС. — С. 73–74), и примечание Майкова к стихотворению «К Наташе» (Пушкин А. С. Сочинения. — С. 317). Говоря о «педантизме» (Венгеров) и «сомнениях» (Майков) Шевырева,

- оба комментатора приводят ту самую цитату из Шевырева, которую Блок предваряет фразой о его «педантических сомнениях».
- 27 Минц — С. 200.
- 28 См. об этом в рецензии А. Измайлова на первый выпуск венгерского Пушкина (Биржевые ведомости. — 1907. — 24 янв. — N 9711).
- 29 Ланда — С. 30.
- 30 Об этом Венгеров, в частности, писал в очерке «От редакции» (Пушкин. — С. III; статья о Кюхельбекере (Н. А. Котляревского), предназначенная для первого тома, была помещена лишь в шестом.
- 31 Ланда. — С. 29–30.
- 32 Подробнее об этом см.: Минц. — С. 200.
- 33 БС. — С. 69.
- 34 Положительную оценку такого объединения как первой попытки синтетического «научно-художественного» подхода к Пушкину см. в статье В. Водовозова (Товарищ. — 1907. — 9 янв. — N 419); априорно отрицательную — в анонимной рецензии на первый том (Ежемесячное приложение к «Ниве». — 1907. — N 12. — С. 626).
- 35 См. утверждение С. Ауслендера, что, благодаря участию в издании символистов, с его страниц встает «новый Пушкин» (Речь. — 1909. — 27 июля. — N 203).
- 36 Русь. — 1907. — 26 окт. — N 286.
- 37 Пушкин. — С. 280, 332, 440.
- 38 О проходящей здесь границе между «предформалистическими» тенденциями и блоковским осознанием творческого акта см. ниже.
- 39 Пушкин. — С. 332, 342.
- 40 Там же. — С. 156. Об этом же свидетельствует синонимия в названии последнего раздела комментария в письме Венгерова Брюсову от 17 мая 1906 г., где он именуется то «эстетическими замечаниями», то «эстетическими оценками» (РО ИРЛИ. Ф. 444. Ед. хр. 52. — Л. 3, об.).
- 41 Пушкин. — С. 74, 204, 270. Подбор аналогичных «эстетико-оценочных суждений» из комментария Лернера приводит Ю. Н. Тынянов в статье «Мнимый Пушкин»; этим «научнообразным спекуляциям» он противопоставляет приемы строгого стилистического анализа пушкинских текстов (Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. — М., 1977. — С. 81–82).
- 42 О Брюсове-пушкинисте см.: Литвин Э. С. В. Я. Брюсов о Пушкине // Брюсовские чтения 1963 года. — Ереван, 1964; здесь же на С. 210 дается суммарная оценка настоящих при-

мечаний, которые, как справедливо отмечает исследователь, «по своему методу <...> еще близки ранним работам Брюсова».

43. Пушкин. — С. 348, 280.
44. Цитата уточнена по автографу (РО ИРЛИ. — Ф. 377).
45. Минц. — С. 197, 198; Ланда. — С. 28.
46. Пушкин. — С. 362.
47. Ср. с характеристикой А. Я. Цинговатова: «Суждения самого Блока всегда скупы, осторожны, строги, чутки, точны, умышленно засушены» (Пушкин: Сб. первый. — М., 1924. — С. 315).
48. РО ИРЛИ. — Ф. 377. Судя по почерку, можно предположить, что карандашная правка в наборной рукописи сделана Лернером, который с самого начала противился введению подобной «эстетической критики» в комментарий (см. об этом: БС. — С. 69–70).
49. Например, выпадающая из строгого стиля примечаний поэта характеристика доноса Каразина («столь же гнусный, как и глупый по своей полной необоснованности») или маловразумительная трактовка аллегорического смысла стихотворения «Именины»: «Дитя крылато — очевидно Купидон, и который рано или поздно напомнит о себе "Дружбе, грации и молодости"» (Пушкин — С. 430–432, 406).
50. Там же. — С. 368.
51. О влиянии изменения принципа отбора текстов на структуру блоковских примечаний см.: БС. — С. 75.
52. Минц. — С. 286.
53. Сходная психологическая ситуация сложилась, например, во время работы Блока над рецензией на сборник «Прозрачность» (1904) В. И. Иванова, в период, когда поэт находился еще вне «магического круга» его поэзии; формальные особенности стихотворной техники Иванова выдвинуты в ней на первый план.
54. Ср. с заметками в записной книжке и высказываниями в письмах Блока 1909 г.: «Искусство есть только космос — творческий дух, оформливающий хаос (душевный и телесный мир)» (8, 292); «<...> форма искусства есть образующий дух творческий порядок <...> Хорошим художником я признаю лишь того, кто из данного хаоса <...> творит космос» (9, 160).
55. Сохранившиеся черновики стихотворений Блока дают представление об особенно напряженной и мучительной работе Блока над стихом, начиная с цикла «Распутья».
56. Творчество Брюсова Блок в это время расценивал, как огромную и трудоемкую работу по выработке новой формы сим-

- волистной поэзии на рубеже веков («Три вопроса», 1907 — 5, 233 — 234).
- 57 Мысль о родстве Сологуба с Пушкиным встречается в статье Блока «Письма о поэзии»: «Сологубу, как и Пушкину, свойственно порою шутить и забавляться формами. . .» (5, 285).
- 58 Ср. интересное замечание З. Г. Минц о появлении при этих сопоставлениях редких для Блока «формальных подсчетов» (Минц. — С. 262).
- 59 Александр Блок в воспоминаниях современников. — М., 1980. — Т. 2. — С. 354 — 355.
- 60 В речи к актерам (1919) Блок приветствует сдвиги в эстетическом сознании общества, когда «даже среди ученых, не только среди поэтов, начинают придавать самостоятельное значение стиху, производить наблюдения над его жизнью» (6, 355). Фраза содержит намек на знакомство и симпатии Блока к новым методам науки, которые он вынес как из бесед с представителями ОПОЯЗа, так и от посещения его заседаний.
- 61 Белый Андрей. Символизм. — М., 1910. — С. 241.
- 62 Гроссман Л. Собр. соч.: В 5 т. — М., 1928. — Т. I. — С. 293; Цинговатов А. Я. Указ. соч. — С. 314.